

Епископ Серафим (Сизрист). США **Мелхиседек – царь мира: знамение для нашего времени**

*Доклад, прочитанный на Первых Библейских Чтениях памяти о. Александра Меня
11 сентября 2004 года. Пер. М. Черняка*

Дорогие отцы, братья и сестры!

Я бы хотел посвятить свой сегодняшний доклад личности Мелхиседека, царя-священника, который, как это описано в 14-й главе книги Бытия, благословил Авраама и, как это видится мне, представляя собой союз мира для всех путей истории, является знаменательной фигурой для наших дней. Именно таинственный Мелхиседек в наибольшей мере воплощает собой в Священном Писании тайну истории и того, что над ней – метаистории. И хотя мой доклад представляет собой несколько укороченный в силу временных ограничений вариант большой работы, я постараюсь затронуть основные моменты.

Но, прежде всего, давайте обратимся к самому тексту Библии.

Бытие 14.

Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, – он был священник Бога Всевышнего, – и благословил его, и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои. [Аврам] дал ему десятую часть из всего [из того, что было добыто в недавней битве]. ([Быт 14:18-20](#))

К этому тексту отсылает и 109-й псалом:

Клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека. ([Пс 109:5](#))

А также отрывок из послания к Евреям:

Которому и десятину отделил Авраам от всего, – во-первых, по знаменованию имени царь правды, а потом и царь Салима, то есть царь мира, без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда. Видите, как велик тот, которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших добыч своих. ([Евр 7:2-4](#))

Мелхиседек – царь Салима, что значит царь мира, покоя, царь города Иерусалима, который теперь едва ли можно назвать городом мира.

Я вспоминаю слова своего друга, палестинского художника Владимира Тамари: «Иногда кажется, что для того, чтобы решить проблему Иерусалима, сначала придется решить все проблемы мира». Он – человек, изобретший инструмент для трехмерного рисования и улучшения качества изображений, сделанных из космоса, он не видел выхода в иерусалимском вопросе. И даже зрительно его высокая фигура как бы пригибалась к земле от тяжести и печальности этой проблемы...

И в наши дни мы видим, как эта запутанность и безвыходность расплзается по миру по многочисленным путям бед и горя – в Чечню и Багдад, с острова

Бали в Судан и Алжир и обратно в Иерусалим. В «город мира».

Отец Александр Мень на предшествующих этапах развития этой проблемы – «землетрясений» от столкновения культур подобно столкновению тектонических плит при расхождении и воссоединении материков – написал свое небольшое размышление ««Карабах» или «Вифлеем»», отсылающее нас к конфликту между армянами и азербайджанцами в этом маленьком регионе, а также, в принципе, к истокам войны в Чечне. В своем размышлении отец Александр говорит о том, что, несмотря на перспективы истории человечества, нарисованные Бергсоном и Тейяром де Шарденом, человечеству все же необходимо выбрать путь свободы и идти за звездой надежды, чтобы не угодить в новые темные времена.

Отец Александр писал так: «Говорят, что самая противоестественная война – война гражданская. (...) Однако не пора ли, наконец, признать, что мы стали свидетелями мировой гражданской войны всех «детей Адама», терзающей его единое тело?»

Это размышление видится мне небольшой параллелью тому, о чем думал отец Александр в те времена, так же как и сейчас – на перепутьях истории. Он писал: «Говоря «Карабах», я имею в виду не только «эту горячую точку» нашего отечества. Оно – собирательный символ бесчисленных трагедий». И так же для нас Иерусалим может служить символом. И когда я буду говорить о трех религиях Иерусалима, это не означает, что я пытаюсь свести к чисто религиозному конфликту то, что стоит обсуждать в более широком социально-экономическом, геополитическом и общекультурном аспектах, но, скорее, я рассматриваю их как представителей различных семейств человечества.

Итак, новое тысячелетие начинается на перепутье.

И именно здесь, на этом перекрестке такой знаменательной фигурой для нашего времени мне видится Мелхиседек. Фигурой, которая уже играет важную роль в трех главных монотеистических религиях – христианстве, иудаизме и исламе.

Для христианства, как показывает это автор послания к Евреям, Мелхиседек – прообраз Христа, Его царствования и Его священства, превосходящих и предшествующих по времени священство левитов и престол Давида, но также и исполняющих и восполняющих их. Позднее, уже во времена Климента Александрийского в описанных в Бытии приношении хлеба и вина увидели прообраз Евхаристии, и тогда же слова псалмопевца: «Ты священник вовек по чину Мелхиседека» стали относить к христианскому священству, а впоследствии эти слова вошли в чин рукоположения в Католической Церкви.

Для иудаизма значение Мелхиседека также велико, но его роль здесь более сложная. Мелхиседек выступает скорее в роли небесного священника и более чем человеческого царя – так его описывают иессейские кумранские литературные памятники. В одном тексте он даже предстает как некоторый вселенский судья, отделяющий добро от зла. Возможно, в ответ на христианское видение Мелхиседека как предвестника Христа – Священника и Царя, поздние иудейские учителя стали связывать священство Мелхиседека со священством Сима, сына Ноя, которое впоследствии было замещено (например, по Маймониду – основной линии иудаизма) священством сынов Авраама, к которому теперь относится и псалом: «Ты (Авраам) священник вовек [наследующий священство] по чину Мелхиседека [по благословию Мелхиседека]». Итак, здесь главное – это проблема существования Мелхиседека до времен Закона.

Хотя мои познания в области того, как воспринимает Мелхиседека ислам, ограничены, но все же стоит отметить, что шиитская ветвь ислама, признающая

имамов – духовных лидеров, являющих собой, хоть порой и скрытое, но все же реальное присутствие духа в мире, видит в Мелхиседеке такого тайного имама. Позднее Мелхиседек стал ассоциироваться в исламе с таинственным странником Хидром – одним из четырех людей (наряду с Иисусом, Енохом и Илией), которые так и не умерли в обычном понимании этого слова. По легенде Хидр-Мелхиседек разговаривал с Моисеем, когда расступилось перед ним Чермное (Красное) море. Фигура Хидра напоминает также и о иудейских легендах о странствующем по миру Илии.

Мурат Яган сравнивает встречу великого поэта и духовного учителя Руми с Шамсом Табризи (таинственным странником, учеником которого стал Руми) со встречей Аврама и Мелхиседека и так описывает эту встречу: «Шамс горел огнем, и Руми подхватил от него это пламя». В обоих случаях это прямая передача непосредственно «посланником от Истока».

Есть одна любимая мною китайская пословица: «Вне всякой традиции непосредственная передача идет прямо в сердце».

Общей точкой пересечения трех взглядов на Мелхиседека, возможным общим пониманием для христиан, иудеев и мусульман не обязательно является сразу же только христианское видение в Мелхиседеке прообраза Христа – Священника и Царя, чье приношение – хлеб и вино, и кто являет в себе таинственным образом все человечество не только до Аврама, но даже и до Адама, но все же не стоит исключать такого понимания. Однако то, о чем говорю сейчас я, – это видение в Мелхиседеке знамения мира, «знака мира», которое может быть принято всеми тремя традициями.

Американский православный священник отец Роберт МакМикин, среди прочих служений которого было и чтение простых мусульманских молитв для умирающих мусульман в Афганистане, однажды написал: «Образ Мелхиседека в Бытии являет нам истину, которая выше частных, – священство, которое по оценке автора послания к Евреям превосходит всякое последующее. Это священство предвосхищает все наши (и иудейские, и христианские) представления и дает нам глубоко осознать, что любящий нас Бог любил нас всегда и всегда будет любить».

Мелхиседек благословляет Аврама, и так во многом начинается история: Аврам – отец и Исмаила, от которого ведут свое родословие арабы, и Исаака. Его дети пойдут разными путями и будут бороться друг с другом, и в наше время они вновь выходят на войну друг против друга...

Но, как говорит отец МакМикин, Мелхиседек не только стоит у истоков истории народов и религий – он также и вне ее. В нем мы видим, что есть в истории некая сила, приведшая нас в движение и отправившая нас в путь, но при этом, которая уже существовала до нас и будет существовать и после нас. Эта сила предшествует и превышает силу и власть иудейского Закона, установлений ислама, она превышает христианского монастыря или дворца, она даже больше всего, что называется «христианским миром».

Каждая духовная семья человечества окопалась в собственной истории, воспринимая ее как завершенную и совершенную. Философ и историк Эрик Фёгелин предупреждал: «Не дайте им имманентизировать Эсхатон». Но именно к этому пришли наши замкнутые системы, полагая, что в нашей истории находится то, что на самом деле существует вне ее, – Предел всего сущего. И конечно же, конфликт между замкнутыми и совершенными системами непримирим – ведь ни одна такая система не может признать что-то, что есть вне ее, согласиться с другими возможностями и путями, кроме своих собственных.

Но все же каждая из наших трех религий содержит внутри своего мира личность Мелхиседека, который также существует и прежде ее и вне ее – он

размыкает каждую замкнутую систему.

Поэтому, возможно, нам снова нужно благословение Мелхиседека, чтобы мы могли продолжить свое движение вперед, запущенное в столь давние времена тем самым первым благословением.

Мелхиседек ознаменовывает и начало наших отдельных путей, и их конец. Может, его новое благословение позволит нам снова идти вместе?

Его приношение как Священника и Царя – Хлеб и Вино (и здесь мы говорим уже больше, чем просто об историческом уровне) – для христиан это прообраз таинства Евхаристии. Да, для нас это фундаментально важно, но не это ли и мессианский пир для Израиля? И не то же ли можно увидеть в ночном празднике разговения Рамазан-Байрам, или Ид аль-Фитр, которым заканчивается месяц поста Рамадан?

Мелхиседек знаменует Собой этот конец, в котором соединяются история и метаистория. И все «истории», что будут после, в Нем живут в мире и гармонии – вместе питаемые Его Хлебом, разделяемым Им, но не разделяющим их, и собираемые и приобщающиеся Его чаше Вина.

Тот образ мира (покоя), который я предложил, – это, разумеется, не программа действий, для нее нет особых путей к воплощению, но этот образ динамичен и он уже принят всеми историческими семьями народов.

И хотя принятия всеми того мира, что дает Царь Мира, еще придется подождать, так как жизнь все еще полна горя и бед, в Мелхиседеке нам дано обетование того, что глубже всех бед и несчастий и уже открытая и достижимая для всего человечества, на любом жизненном пути есть гармония Царства Мира.

Так пусть это осуществится как можно скорее!